

СОЦИОЛОГИЯ МАССЫ ФЕДОРА СТЕПУНА

Социально-политические изменения в России последних лет дают возможность обращения к творчеству забытых и малоизвестных ученых, философов и социологов. Особое внимание вызывает судьба и творчество русских деятелей науки и культуры, оказавшихся после октябрьских событий 1917 г. за рубежом. В 1922 г. из советской России была выслана целая плеяда мыслителей, среди которых находился Ф.А. Степун, — философ, социолог и литературовед, человек разносторонних дарований, живший со дня высылки до самой кончины в Германии и пользовавшийся в кругах немецкой и русской зарубежной научной и гуманитарной общественности заслуженным авторитетом и уважением. К его суждениям прислушивались не только за рубежом, но и в советской России.* Кто он, — этот ученый-гуманист, — и чем он заслужил международное признание?

Федор Августович Степун родился в 1884 г. в Москве, в семье российских немцев. Детство прошло в деревне, недалеко от Калуги, где его отец работал управляющим фабрики. Учился в московской немецкой гимназии. Затем служба в армии, где он знакомится не только с парадной ее стороной. В 1902 г. он поступает в Гейдельбергский университет на философский факультет. В 1910 г. он защищает докторскую диссертацию по творчеству Владимира Соловьева. В это же время Степун совместно со своими друзьями и коллегами занимается созданием международного журнала по философии культуры «Логос», знакомится с выдающимися современниками: М. Вебером, В. Виндельбантом, — будущим его научным руководителем Г. Зиммелем, Г. Риккертом и Э. Гуссерлем, которые становятся патронами «Логоса» [1]. Затем следует разочарование в немецком неокантианстве баденской школы.

Возвратившись незадолго до начала первой мировой войны в Россию, он решает посвятить себя лекторской работе. Он много ездит по стране, собирает богатый материал, впоследствии пригодившийся ему как социологу. Затем участие в первой мировой войне, будни которой описаны в его «Письмах прапорщика-артиллериста», избрание солдатским депутатом. После Февральской революции — назначение начальником Политического отдела военного министерства в правительстве Керенского, которое привлекло к сотрудничеству многих известных социологов — П.А. Сорокина, Н.С. Тимашева, Н.Д. Кондратьева и др. Активная общественная деятельность Степуна, его контакты, в качестве оратора, с большими массами слушателей как в мирное, так и в военное время, дают ему в дальнейшем основание считать категорию «массы» основной категорией социологии.

После падения Временного правительства Ф. Степун решает отойти от практической политики и попытаться сосуществовать с советской властью. В 1920 г. он становится литературным руководителем Московского показательного театра. Но

* В архиве Ф.А. Степуна, находящемся в библиотеке Йельского университета (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Connecticut, U.S.A.), хранятся документы, свидетельствующие о его известности в тогдашней России. Хочу поблагодарить сотрудников библиотеки за предоставленную возможность ознакомиться с материалами архива.

попытки мирного сосуществования не увенчались успехом и в 1922 г. он был выслан за пределы советской России.

В Германии с 1926 г. он работает профессором социологии Дрезденской Высшей технической школы. В это время он развивает и защищает свое понимание предмета социологии [2, S. 114–116]. Он основывает, совместно с Бунаковым-Фондаминским и Федотовым, журнал. «Новый град» и редактирует альманах «Шиповник», принимает активное участие в редактировании альманаха «Мосты». Его отрицание тоталитаризма в любых национальных одеждах приводит его в 1937 г. к вынужденной отставке без права чтения лекций и публичных выступлений. На его глазах в Германии разыгрывается фашистская вакханалия. Он предпринимает попытки переезда во Францию, но это не удается. В это время он начинает писать воспоминания: «Бывшее и несбывшееся», которые выходят, уже после войны, на русском и немецком языках.

В 1945 г. в результате авианалета сгорел дом Ф. Степуна со всеми ценными архивными документами, а по завершении войны ему снова пришлось покинуть обжитое место и переехать в Западную Германию. Ему было предложено читать курс лекций по истории русской мысли в Мюнхенском университете. Он вновь становится членом возрожденного немецкого социологического общества, возглавляемого в то время Л. фон Визе, с которым он состоит в дружеских отношениях. Возобновляются чтения докладов в различных городах Германии. Кроме того, он продолжает заниматься редакторско-издательской деятельностью. В 1950-х гг. Степун читает лекции немецкому офицерскому составу при штаб-квартире НАТО. Его гуманистическая деятельность получила признание со стороны мировой общественности и немецкого правительства и на склоне лет он был награжден высшей наградой Германии — крестом за Заслуги.

В 1952 и 1958 гг. он пишет работы, посвященные методологическим проблемам социологии, а в 1959-м выходит в свет его книга «Большевизм и христианская экзистенция» — социологический анализ русской культуры [3–5]. В отечественной литературе, посвященной Степуну, отражены, в основном, его философская, литературная и издательская деятельность. Его социологические взгляды не были еще представлены в полной мере. Предлагаемый здесь анализ социологии масс, составивший важную часть архива Ф. Степуна, поможет получить представление о его оригинальной точке зрения на исследуемую проблему, а также о той общественной и интеллектуальной обстановке, которая царил в Германии в первой половине XX столетия.

Стало уже традицией связывать выход на историческую арену народных масс с эпохой буржуазных революций и наступлением эпохи Нового времени. Результатом этих революций явилось зарождение и развитие буржуазного общества, демократического государства, технической экономики и массовой культуры. Символической вехой такого развития была Французская революция 1789 г. с ее требованием свободы, равенства и братства, которая отчетливо поставила перед обществом проблему ее двигателя — проблему масс. «Впервые, совершенно определенно, массы появились во Французской революции. С тех пор они никогда больше не исчезали с политического горизонта» [6, S. 39]. Кристаллизация социологии как самостоятельной науки приходится также на эпоху Французской революции. Проблему масс, имеющую с социологией общий источник возникновения, Степун ставит в центр своей общей социологической концепции и одновременно подчер-

кивает — анализ феномена масс является составной частью его социологии революции. Следуя принципам исторической социологии, он, подобно Г. Фрайеру, утверждает, что «сущность исторического явления правильнее всего схватывается при исследовании той ситуации, в которой оно возникло» [5, с. 103]. Рассмотрение социального явления в его современном, ставшем виде сузило бы духовную глубину социолога и сделало бы невозможным социологический анализ исторических событий. Сама социология массы с момента своего возникновения оказалась в несколько двойственном положении. Феномен массы сделали своим непосредственным объектом исследования две науки: социология и социальная психология. Причем каждая из них претендует на приоритет в научной разработке этой сложной социальной проблемы.

Следует отметить, что рассмотрение этой проблемы чисто психологически не дает ее полного охвата. Лебон, к примеру, несмотря на то, что свой главный труд он назвал именно «Психология масс», все же с самого начала отмечает зависимость момента выступления масс от определенных исторических условий. К последним он относит времена социальных кризисов и переходных периодов. Этот этап изучения феномена масс можно условно назвать первым.

В России в это же время проблема масс разрабатывалась лидером субъективной школы социологии Н.К. Михайловским, который считал важным «введение в научный обиход проблем и приемов социальной психологии, ближайшей, наряду с политэкономией, союзницей социологии, прежде всего на примерах изучения «поведения толпы» [7, с. 95–96].

Новый импульс внимания к этой проблеме вызвала первая мировая война и последовавшие за ней революционные события в некоторых европейских странах. Первые эмигрантские годы Степуна в Германии приходятся как раз на апогей исследования этой проблемы, которая вызвала у него, обогащенного российским революционным опытом, большой интерес. В своих «Лекциях по социологии» он анализирует подходы к этой проблеме А. Фиркандта, М. Вебера, Т. Гайгера, Л. фон Визе и некоторых других социологов.

Немецкой социологии, в особенности межвоенного периода, свойственна культурно-пессимистическая направленность. Это объясняется не в последнюю очередь влиянием на нее романтической традиции, базирующейся на методологии философии жизни. Отсюда и большое внимание к проблеме ценностей, которая была порождена попыткой преодоления историзма в социологии. Даже у М. Вебера, на первый взгляд далекого от романтики, встречаются такие понятия, как «судьба» и «случай», и отнюдь не как эвфемизмы.

В основу анализа феномена масс большинство немецких социологов кладет два социальных идеальных тина, выработанные Ф. Теннисом: общину со свойственными ей «органическими» взаимоотношениями индивидов, и общество, для которого характерна их «механическая» связь. Тем самым немецкая социология момент возникновения масс связывает с девальвацией каких-либо важных социальных ценностей, прочно скреплявших социальный организм.

Рассматривая феномен массы, Степун делит ее на два типа: мирную и революционную, оставляя основным предметом своего исследования последнюю, которую можно квалифицировать как особое состояние первой, вызванное «революционным брожением». Он описывает возникновение и эволюцию массы, приводит различия между видами массы, описывает сущность пролетариата и его

отношение к ней. Анализируя исторический и свой личный опыт, Степун отмечает, что «социологическое понятие массы не есть понятие большого числа» [8, с. 446]. Но что же тогда масса с социологической точки зрения? Большой, по количеству делегатов, научный конгресс — это не масса. Тысячная толпа призывников — тоже. То есть пространственно-временной показатель в этом случае играет лишь вспомогательную роль. Этот взгляд стоит в оппозиции к взгляду Лебона, которого придерживались исследователи французской социологической школы, считавшие, вслед за ним, что скопление народа является основным суггестивным фактором создания массы. Но пространственное скопление народа может быть и совершенно случайным: большие магазины, пешеходные зоны в центрах городов.

Следующим видом людского скопления Степун называет театральную публику. Здесь предмет переживаний — общий для всех собравшихся, театральное представление. Но переживает это представление тысяча зрителей как тысяча индивидуальных «Я». Такое скопление людей он называет мирной «латентной» массой, которая отличается от революционной тем, что не обладает сверхличностным характером объективности «Мы», а есть лишь аккумуляция индивидов. Почва для возникновения в недрах театральной публики некоего «Мы» безусловно имеется — это совместное душевное переживание увиденного, но из него не произрастает никакого массового творческого акта, свойственного революционной массе. Элемент заражения театральной публики, по сравнению с конгрессом ученых, налицо, но здесь необходимо учитывать, еще один немаловажный фактор, мешающий «латентной» театральной публике превратиться в революционную массу. Эмоциональный подъем театральной публики, превращающий ее в мирную массу, вызывается самим представлением и на достаточно короткое время, в то время как для революционной массы представление или митинг — это уже подтверждающий творческий акт ее существования, во время или после которого и наступает фаза ее «революционного творчества». Степун дает наглядное описание перехода латентной массы в революционную на примере партийного съезда. Выступления и доклады в целом соответствуют эмоциональному настроению делегатов. Предмет обсуждения знакомый и общий и здесь нельзя еще говорить о революционной массе. Тот же съезд, но во времена больших социальных событий. Неожиданно поступает сообщение о совершении партией противника революции. Новые ораторы берут слово. Их выступления воспринимаются эмоционально, но без достаточного обдумывания. Они стали бессодержательными и превратились только в символ. «Чем больше жестикуляции, тем больше масса» [6, S. 44]. Человек, отдающийся массе неизбежно превращается в «какое-то стадное существо, теряет свое индивидуальное лицо. Происходит понижение сознания, провал в бессознательность, пробуждение звериных инстинктов, круговая безответственность, эпидемия преступности и т.д.» [8, с. 446]. Но и в таком случае это еще не революционная масса в ее социологическом смысле. Такими показателями характеризуется и банда. Степун рассматривает действия черносотенных банд и революционных масс в годы кризисов в России и приходит к выводу, что «...разница между массой и бандой никаким образом не связана с тем мировоззрением, во имя которого масса творит свое разрушение. (...) Но если различие между массой и бандой не сводится к различию идеологий, то не сводимо оно и к различию психологий» [8, с. 446]. Совершенно справедливо было бы признать революционно настроенных деревенских мужиков, идущих жечь барскую усадьбу, «по своим переживаниям» похожими на бан-

дитов-черносотенцев. Психологически они вряд ли различны. Но при всем психологическом и идеологическом сходстве между ними все-таки существует отличие, которое коренится в «объективно различном смысле» того, что творится массами, от того, что творится бандами. Разрушение, производимое революционной массой, содержит в себе определенные, в первое время не ощущаемые «созидательные энергии». Оно направлено, в первую очередь, против существующего зла и исполняет некую историческую, а следовательно, смысловую функцию. Разрушение, совершаемое бандой, носит, так сказать, локальный, субъективный и неисторический характер. Эта субъективность и анархичность бандитизма не дают ему возможности почувствовать историческую ситуацию, переживаемую обществом, а также понять логику его развития. Акты революционных масс в исторической перспективе «объективны и бескорыстны», несмотря на то, что они очень часто сопровождаются их злобой и корыстью, а также излишней идеологической риторикой их вождей. Только при таком понимании массы Степун признает справедливым часто повторяемый лозунг, что революции творятся прежде всего массами.

Особое внимание уделено им социальному феномену пролетариата, на своеобразной трактовке которого и строится социология революции Степуна, кажущаяся, на первый взгляд, неким видом философии истории. Следует напомнить в этой связи, что любая социологическая концепция с необходимостью покоится на философско-историческом фундаменте. Степун отвергает расхожую оценку пролетариата как главного двигателя революции. По его мнению, революции только творятся пролетариатом. Совершаются же они толпами, сочувствующими пролетариату. «Как свобода, равенство и братство не могут удержаться в качестве специфически революционных тем, ибо представляют собою основную тему социально-политической эволюции последнего столетия, так и пролетариат не может считаться главным субъектом революционных перерывов эволюции, ибо он является бессмысленным субъектом эволюционного становления социально-политической справедливости» [8, с. 448–449]. Этими непролетарскими Массами и развертывается от имени пролетариата революция. С классовой точки зрения, эти массы трудно определимы, но своими действиями они вызывают в самом пролетариате сочувствие к себе и «общечеловеческие энергии». Подлинным же субъектом революции Степун считает вообще не класс, а «некий особый дух, дух отчаяния, дух преступления, дух утопизма и фантастики» [8, с. 449]. Он анализирует структуру этого духа, который в определенной исторической ситуации нисходит на определенную социальную базу. Если в недрах этой базы ведется скрытая или явная борьба за общечеловеческие ценности против социальной лжи, то эта деятельность, даже если она и разрушительная, имеет положительное значение массового акта. Высшими социальными ценностями Степун считает ценности христианства.

Он анализирует структуру революционного «духа» и выделяет три вида революций, с которыми связаны три отличающихся друг от друга революционных «слоя». Первому слою соответствует «биологическая революция». Здесь царит дух молодости, свершений, веры в свои силы, больших надежд на будущее. В этом слое отсутствует оглядка на прошлое.

Второй слой — это тот, который можно назвать слоем криминальной революции. Это, как правило, преступные элементы, играющие во всех революциях весьма существенную роль.

Третий, очень важный слой, хотя и выступает отчетливо во всякой революции, тем не менее очень трудно определим в рамках научной рациональности. Это слой «фантастической» и «оборотнической» революции, которая осуществляется особыми «демоническими» силами.

Все три слоя связаны, каждый по-своему, с революцией в целом, которую Степун определяет как акт «творческого взрыва всех смыслов». Его характеристика революционных слоев — это не что иное, как качественная характеристика составных элементов революционной массы.

Основное значение в революциях Степун придает биологическому, молодежному, слою. При этом он опирается на факты из истории, свидетельствующие об активности молодежи в европейских революциях, а также на практику российских революций. Пафос юности — это, по существу, пафос освобождения от авторитетов, пафос борьбы с господствующим мнением, выраженным в законах или нравах. Даже традиционалистски настроенная часть молодежи «любит портреты предков, а не отцов». Этому слою революционной массы свойственно стремление к разрушению. Молодости свойственна вера в реальность невидимого. Она живет надеждой. Ее радует разнообразие революционных событий, их взрывной и освободительный характер. Уличная атмосфера революционных дней полна таинства творения нового и необычного. Это атмосфера праздника и чуда, осуществляемого повседневно. Молодежи свойственна жертвенность, и, как правило, среди жертв революционных событий подавляющее большинство молодых людей. Свойственны ей также черты утопической мечтательности и прожектерства.

Социальная база второй составляющей революции — это преступники, которых Степун подразделяет на две категории: уголовные и политические. Далее он предлагает отличать в этих группах подлинных преступников от тех, которые в народе называются «несчастливыми».

Среди уголовных «несчастные» те, кто совершает проступки невольно, лишь защищая себя от несправедливых притеснений со стороны общества. Им, например, свойственны кража с голоду, убийства от отчаяния. Преступники же среди уголовных — это те, кто зарабатывает на преступлениях и не считает это зазорным. Это — преступники-профессионалы.

Такую же разницу проводит Степун и между политическими преступниками. «Несчастливые» среди политических — это те, кто по нравственным причинам не выдержал страданий других на фоне его счастливой жизни и включился в революционную борьбу. Судьбы их, как правило, — судьбы мучеников. Их жизнь — подвиг. Настоящие политические преступники — это те, кому безразличны страдания ближнего. Это незваные устроители народного счастья с помощью различных утопических теорий, мастера политического терроризма, «хирурги социально-политического дела», которые питают любовь к операциям, а не к больным.

«Несчастливые» среди уголовников влекутся к революции с надеждой занять подобающее им достойное, равноправное место в новом, справедливом обществе. Настоящие же уголовники используют революционные события в своих корыстных целях, считая, что в такие времена проще избежать наказаний за преступления.

Человеколюбцы из политических считают, что преступников нет вовсе, есть только «несчастненькие», и тем самым дают возможность преступному элементу почувствовать свою силу. В плане жизненной практики они мало полезны, потому что возвратясь из тюрем и ссылок, они не могут, как правило, предложить ничего

конкретного, оставаясь в плену своих высоких теорий и мучительно перенося злобу дня.

Лучше всех, хотя совершенно по-своему, справляются со злободневными вопросами настоящие политические преступники. Они прекрасно осознают реальное положение вещей и ищут поддержку в рядах уголовных преступников, снабжая последних своей революционной идеологией и фразеологией. Те же, в свою очередь, усвоив ее, ведут революцию к ее зениту. Именно эти две составляющие поддерживают разрушительный характер революционной массы.

Более сложна по своей структуре третья составляющая массы, представляющая «фантастический» слой революции. Социальное наполнение составляющей — это, в большинстве своем, обычные люди с особой «метафизической печалью и тяжестью на сердце». Причина такого состояния кроется в несоответствии ожиданий и самореализации человека, т.е. в кризисе идентичности, — проблема, которой Степун был занят на протяжении всей своей жизни [9]. Эти три составляющие — суть структурные элементы массы, которая немислима без вождя.

В соответствии с типами масс — мирной и революционной, Степун приводит типы вождей. Мирной массе соответствует вождь, избранный из ее среды — первый среди равных. Характер его деятельности — это направление воли и мысли коллектива, имеющего свое «лицо». Функции его — функции сменяемого руководителя. Его руководство — планомерно и преследует рациональные цели. Его задача — искать пути и средства для достижения этих целей, в то время как задача руководимой массы, — прикладывать усилия к тому, чтобы задуманные руководством планы были осуществлены.

Революционная масса «безлична». Она нуждается в вожде, который придаст ей некий определенный образ, сформирует ее. Этот вождь приходит, как правило, со стороны и не несет с собой никаких дополнительных идей, а только «находит нужные слова, которых недостает массе» [6, S. 44]. В массе действует механизм имитации. «Каждый видит вождя, который олицетворяет его идеи. Каждый формирует себя на манер вождя» [6, S. 45]. Учитывая относительно непродолжительный срок формирования и существования революционной массы, ее вождь должен своевременно найти адекватное выражение душевному настроению масс. Найдя и правильно его выразив, он становится символом этой массы. Налицо процесс его обожествления. Своим существованием он обязан эмоциональному состоянию массы, в котором она находилась в момент его появления. Он является некой экспонентой массы. Но самая главная предпосылка успеха вождя — его собственная зараженность идеей, приводящей массу в восторг. Этой способностью обладает одна из разновидностей вождей революционных масс, а именно — пророки и апостолы. Такие вожди готовы ради своей утопической идеи объявить священную войну всему миру. К вождям такого типа можно отнести Робеспьера, который искренне верил сам в то, что говорил. Вожди, которые, разжигая массовые страсти, сами остаются холодными к собственным революционным призывам — это демагоги, «которые легко становятся диктаторами» [6, S. 40]. Демагог планомерно и расчетливо направляет в нужное ему русло энергию массы во имя осуществления позитивных, на его взгляд, целей. Он настоящий вождь массы, так как в состоянии придать ей со временем мирный характер. Искусство такого вождя как политика заключается в том, что он делает видимо упрощенным все сложное, принципиально не принимая при этом в расчет уровень интеллектуального развития

членов массы, облакая сказанное им в убедительную форму, поощряет ее желания и идеи, каковыми бы они ни были. Такой вождь может превратить массу в нацию. История XX столетия имеет тому яркие примеры.

1920–1930-е гг., — период работы Степуна в Высшей технической школе — ознаменовались ростом и распространением массовых явлений: возникновение и приход к власти итальянского и немецкого фашизма. Наблюдая рост крайне националистических тенденций в обществах этих стран, Степун справедливо отмечает, что и Муссолини, и Гитлеру удалось во имя своих целей обмануть свои народы, превратив массу в нацию, только благодаря откровенной лжи, неосуществимым обещаниям и разжиганиям низменных страстей. Гитлер сам утверждает, что национализации широких масс можно достичь не с помощью половинчатостей и слабого подчеркивания так называемой точки зрения, а только посредством бесцеремонного фанатического устремления к однажды поставленной цели [10, S. 199].

В гитлеровской Германии Степун второй раз столкнулся лицом к лицу с тоталитаризмом. Гитлер пришел к власти и, продолжая оболванивать нацию, следовал своей любимой идее, что широкие массы народа не состоят ни из профессоров, ни из дипломатов [10, S. 200]. Была произведена «чистка» профессорско-преподавательского состава всех высших учебных заведений Германии. Степун, с его теоретической и практической установками, был вовсе не ко двору. Первая попытка его увольнения была предпринята еще в 1933 г., сразу же по приходу к власти гитлеровцев, но затем было решено выяснить до конца его отношение к «национал-социалистическому государству». Лекции, письменные и устные выступления Степуна тщательно фиксировались чиновниками от науки, что впоследствии было отражено в обосновании его увольнения, где, в частности, отмечалось, что «он не может и не хочет понять и пережить мысленный мир национал-социализма, не говоря уже о том, чтобы его пропагандировать».* Неприемлемым для властей казался и христианский исходный пункт степунской критики большевизма. Они желали видеть повсюду только «происки евреев». На эту позицию Степуна обращалось особое внимание, так как он был единственным социологом в Высшей технической школе. «Но именно эта дисциплина может быть сегодня разумно и плодотворно представлена только с национал-социалистических, то есть, с расистски обоснованных позиций» [11, S. 98]. По истечении четырех лет «ожидания», ввиду того, что Степун не приложил никаких усилий для выработки «позитивного» взгляда на национал-социализм и «неверно» излагал смысл расового вопроса, он был уволен.

Ситуация, сложившаяся в Германии в 1930-х гг., подтвердила все предположения Степуна. Он часто обсуждал зигзаги немецкого социально-политического развития в среде русской эмиграции как в Германии, так и за ее пределами. Бывая во Франции, он неоднократно обсуждает эту проблему с Н. Бердяевым. «Последний раз я видел Бердяева в *Clamart* под Парижем; это было в 1937 году. Наш долгий и оживленный разговор касался Гитлера и той ночи, которую он опустил над человечеством» [12, S. 199–200].

Отставка Степуна дала ему возможность приступить к написанию выше упомянутых мемуаров «Бывшее и несбывшееся», которые он охарактеризовал как «молекулярно-социологическое исследование революции в форме биографии».

*Обоснование увольнения Ф.А. Степуна, подписанное ректором Дрезденской Высшей технической школы Йостом, цитир. по: [11, S. 98].

Говоря об общественной обстановке в Германии первой трети XX в., следует отметить некую опосредованную связь развития немецкой социологии и роста национал-социалистических тенденций в немецком обществе. К примеру, такие корифеи социологии, как Ф. Теннис, В. Зомбарт и Г. Фрайер, которые не только не были национал-социалистами, но и в свое время пострадали от этого режима, все же своими культурно-пессимистическими установками облегчили национал-социалистической идеологии путь к успеху. Либерализация общественных отношений в годы Веймарской республики и девальвация некоторых социальных ценностей, свойственных «общинной» связи индивидов способствовали еще большему распространению культурного пессимизма в Германии. Стремление Зомбарта связать неким мостом понятия «община» и «народ» было использовано нацистской пропагандой для создания идеологического ярлыка «народная община». Попытки Фрайера обосновать примат бесклассового общества способствовали созданию национал-социалистического тоталитарного государства.

Подобные культурно-пессимистические интенции были свойственны и Степуну, но решение этих проблем он видел в создании общества христианского социализма, общества, построенного на общечеловеческих ценностях христианства, где каждая личность формировала бы себя в соответствии не только с эмпирическими, но и с трансцендентными ценностями.

Литература

1. Крамме Р. «Творить новую культуру» — «Логос» 1910–1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 122–136.
2. Stepun F. Diskussion ueber «Begriffsbildung in der Soziologie» // Verhandlungen des 7. Soziologentages 1930 in Berlin. Berlin, 1931. S. 114–116.
3. Stepun F. Die Objektivitaet des soziologischen Erkenntnisaktes // Soziologie und Leben. Tuebingen, 1952. S. 63–78.
4. Stepun F. Die soziologische Objektivitaet und christliche Existenz // Festgabe Joseph Lortz. Bd 2: Glaube und Geschichte (Hrsg.) // P. Ranns. Baden-Baden, 1958.
5. Степун Ф.А. Социологическая объективность и христианская экзистенция // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 102–114
6. Stepun F. Soziologische Vorlesungen // GEN Mss 172. Fedor Stepun Papers. Series II, Shorter Writings. Box 56, folder 1718. (В дальнейшем сокращенно — Архив Степуна).
7. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега. 1995. С. 95–96.
8. Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Современные записки. 1929. Vol. XL.
9. Stepun F. Verfall und Aufbau der Persoenlichkeit и Die Verpflichtung zur Persoenlichkeit // GEN Mss 172. Fedor Stepun Papers. Series II, Writings Shorter Works. Box 57, folders 1718 and 1745. (Архив Степуна).

10. Hitler A. Mein Kampf. Цит. по: Adler H.G.: Die Freiheit des Menschen. Tuebingen: Mohr. 1976.
11. Treiber H. Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Opladen, 1995.
12. Stepan F. Mystische Weltanschauung: Fuenf Gestalten des russischen Symbolismus. Muenchen: Carl Hanser Verlag, 1964.